

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора филологических наук, профессора Коровина Валентина Ивановича о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Ефимова Антона Сергеевича на тему: «Русский антинигилистический роман 1860-1870 гг. и готическая проза второй половины XVIII - первой половины XIX в.» по специальности 10.01.01 – русская литература.

В представленной на отзыв диссертации автор исследует жанровую природу антинигилистической прозы (романа и повести) в ее самых характерных произведениях, составляющих, по его выражению, «ядро жанра» и не претендуя на исчерпывающий анализ материала с избранной точки зрения. В такой же степени привлечена и готическая проза. И это вполне объяснимо, поскольку и антинигилистическая, и готическая проза, в особенности роман, довольно полно, а в последнее время во многом по-новому, изучены как русской, так и иностранной филологией. Автор избрал для изучения жанрового своеобразия антинигилистической прозы конкретный аспект – воздействие на нее готической прозы, определяемой обычно «литературой таинственного и ужасного». Между появлением на литературной арене готического романа, а затем готической повести, и зарождением антинигилистической прозы прошел целый век. За это время сменялись направления, течения, жанры. Казалось бы, довольно странно выглядит, на первый взгляд, обращение писателей к готической прозе при художественном изучении сугубо «материалистического» явления «нигилизма», сторонники которого, как тургеневский Базаров, – сугубые естественники, резавшие сначала лягушек, а потом принявшиеся за террор, духовное совращение и даже убийство людей. Впрочем, известная общность между эпохами все-таки существует. Готическая проза возникает как реакция на античную классику (см. «Письма о рыцарстве и рыцарских романах» епископа Ричарда Херда), как оправдание средневековья (готический роман

воспринимается в расширительном значении и становится синонимом слова «готический»), с одной стороны, и на просветительские идеи и литературу Просвещения с их рациональностью, – с другой. Слово «готический», которому прежде придавали отрицательное значение («дикий», «варварский») с появлением готической прозы (первым готическим романом был то ли «Гибельный погост» анонимного автора, то ли «Длинная шпага, или Граф Солсбери» Томаса Лиланда, но первым по общепринятому мнению ныне считается «Замок Отранто» Горация Уолпола) было реабилитировано. Уолпол в письме к госпоже дю Деффан высказался о неприятии просветительской эстетики: «Я написал свою книгу не для нынешнего века, который не выносит ничего, кроме холодного рассудка. Я предоставил полную свободу своему воображению...». Положительное значение сохранило слово и в эпоху романтизма, не принимавшего детерминизма разума, свойственного Просвещению. И хотя оживление признаков готических жанров в России Н.И. Греч встретил с недоумением («Странное тогда было время. Просвещение распространялось повсюду, а между тем верование в алхимию, призывание духов, предсказания, ворожбу занимало серьезно людей умных и образованных»), образованное общество было на стороне романтиков. Жан-Поль восхищался: «Чудо ирреальности, как сумеречная бабочка, возникает и живет в зыбком полумраке ночи, оставляя после себя душевное смятение и впечатление ужаса». Но вот наступило иное время, и Достоевский в «Дядюшкином сне» ополчается против замков и всего готического. Теперь антинигилистический роман выступает как реакция на механический материализм, на узкий, грубый и убогий рационализм, связываемый с именами вождей нигилизма в России, на их социальные утопии. Готическая проза снова становится актуальной, но теперь ее свойства используются как отрицательные. Писателям-антинигилистам всю силу своего возмущения нигилизмом нужно было направить на компрометацию и дискредитацию этого общественного явления и его участников. Тут стали востребованными, конечно, и по многим другим причинам, литературный опыт и литературная

традиция. «Память жанра» была оживлена в литературе и в ней неожиданно всплыли мотивы, образы и их освещение. Ситуации, композиционные приемы, развитие сюжета готической прозы вдруг оказались чрезвычайно нужными и полезными для новой антинигилистической литературы.

Заслуга диссертанта заключается в том, что он четко поставил задачу и с необходимой полнотой ее разрешил. Это обеспечило ему успех. Для решения задачи автору пришлось изучить огромный материал: готическую прозу конца 18 и начала 19 веков, русскую романтическую прозу и антинигилистический роман, причем А.С. Ефимовым привлечены к анализу произведения, ранее не подвергавшиеся обследованию.

Задача автора состояла в доказательстве того, что антинигилистической роман использует в своих целях основные слагаемые и признаки готической прозы. Нельзя сказать, что наша научная литература не подходила к постановке и решению такой задачи. Укажу лишь на некоторые факты: в отдельных работах, кстати, учтенных автором, упоминается о «демонических знаках» в антинигилистическом романе, он называется «демонологическим» и «социально-демонологическим» со «спиритуалистическим сюжетом», в нем находят «мистико-спиритуалистическую риторику, частично заимствованную из разложившегося готического жанра: “темные”, “незримые” или “бродящие” силы, “духи”, “призраки”, “тени”, “бесы”», а также другие особенности готики: «Реальность, изображаемая в таком произведении, – шаткая, постоянно ускользающая, обманчивая и взрывоопасная – символическое выражение “страхов и ужасов”...». О демоническом плане антинигилистического романа (“the sense of pandemonium”) писали и зарубежные ученые (см.: *Gregory Serge V. Dostoevsky's The Devils and the Antinihilist Novel // Slavic Review. 1979. Vol. 38. P. 447*). Есть и прямые указания: «Как в готическом романе, духи прошлого довлеют здесь отрицательным героям». Автор справедливо не согласился с Э.А. Евтушенко, утверждавшей, что «Бесы» Ф.М. Достоевского по всем признакам настоящий готический роман в русской литературе. Таким

образом, наши литературоведы заметили признаки готической прозы в антинигилистических произведениях. Однако эти признаки не представляли собой ясного, прямого и конкретного указания, как пишет автор в Заключении (с.197) «на влияние литературы “таинственного и ужасного”».

А.С. Ефимов доказал, что антинигилистический роман широко использовал готическую прозу в ее структурных элементах и мотивах. Это позволяет мне отозваться о работе как новаторской. Автор рассматривает сюжетную структуру и признаки готической прозы, налагаемые на антинигилистический роман, и приходит к выводам, что антинигилистический роман – синкретический жанр, усвоивший также признаки исторического романа. Ему присущи типы «проклятого скитальца», «демона-искусителя», «демонессы», «демона-помощника», «подстрекателя», «ведомых грешника или грешницы», «жертвы», «иммoralиста-преступника». Все эти типы подробно и тщательно рассмотрены. Может быть, для обоснования синкретизма жанра следовало бы остановиться на фантастической повести и авантюрном романе, поскольку антинигилистический роман не обходит стороной и эти жанры. Но и то, что сделано, заслуживает всяческого поощрения и уважения. При этом автор тактичен и осторожен: он не утверждает, что целостная структура готического романа воспринята антинигилистической прозой, а пишет лишь о структурных слагаемых и элементах структуры. Так построена трехчастная диссертация («Литературный процесс и исторический контекст», «Характеры и эсхатология», «Мотивы и сюжеты»).

Труд А.С. Ефимова тем более важен, что история готической прозы в России еще не написана, хотя у нас есть замечательная книга В.Э. Вацура «Готический роман в России». Проведенное автором диссертации исследование необходимо для постижения русской истории вообще, для построения исторической поэтики, для уяснения сути литературного процесса, охватывающего все жанры литературы. В целом А.С. Ефимов удачно проследил процесс прямого и опосредованного (через русскую

романтическую прозу, в частности фантастические и таинственные повести) восприятия русской литературой «готического романа».

Собственное значение имеет Приложение, содержащее краткий очерк истории антинигилистической прозы и Сводную таблицу тем антинигилистической полемики, приёмов готической прозы и художественного текста, апеллирующего к страху.

Библиография насчитывает 352 единицы текстов.

Столь большой и ответственный текст, написанный хорошим литературным языком и тщательно вычитанный (я нашел две помарки-опечатки в фамилиях, которые в других местах написаны правильно), не лишен некоторых недостатков, не влияющих на общую высокую оценку труда А.С. Ефимова.

Во-первых, не очень ясны причины, по которым писатели-антинигилисты обратились к готическим произведениям.

Во-вторых, и в случае с готическим романом, и в случае с романтической повестью желательно было бы отчетливее различать периоды их бытования, потому что и роман, и повесть изменялись.

В-третьих, страх, как известно, в готическом романе его авторы различали и было бы важно знать, какой вид страха (отвращение или притяжение) наиболее употребителен.

В-четвертых, автор не избежал некоторых преувеличений от увлечения: не всякое произведение, содержащее «готический» элемент можно назвать готическим. Например, повести Гоголя содержат фантастику, но эта фантастика вовсе не готического, а часто фольклорного, иного происхождения. Скажем, «Нос». Вряд ли можно назвать «готической» и фантастическую повесть Пушкина «Пиковая Дама», хотя признаки готического жанра в ней есть.

В-пятых, изгнание «бесов» и эсхатология – не признаки исключительно жанра «готического романа».

В-шестых, когда женщина-персонаж кокетничает и говорит, примерно: «Я люблю его, убийцу», то при этом совсем не обязательно она и автор непременно вспомнили о «готическом романе».

К счастью, подобные огрехи не касаются основных идей диссертационного сочинения и сделанных в ходе изучения выводов, с которыми я в целом согласен. Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Его высокий уровень, актуальный и новаторский характер не вызывают сомнений. Об этом свидетельствуют и публикации, и автореферат, полно отражающий и содержание работы и достигнутые результаты. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01 – «русская литература» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ефимов Антон Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «русская литература».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук, Почётный профессор кафедры русской классической литературы Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Коровин Валентин Иванович

Коровин
О.С. Яковлев

Зам. начальника
Управления
делами
С.С. Яковлев

12 ноября 2021

работами ИИИ
Н-к Яковлев

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

119991, город Москва, улица Малая Пироговская, дом 1, строение 1

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
кафедра русской классической литературы

Тел.:84954343552;

Подпись сотрудника

удостоверяю:

12.11. 2021

Работник МПГУ
И.к. адгана И.В.Александров